

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ФАКТОРЫ ПОЛА И ВОЗРАСТА В МОРАЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ ДЕЙСТВИЙ¹

© 2016 г. К. Р. Арутюнова*, Ю. И. Александров**

* Аспирантка лаборатории психофизиологии имени В.Б. Швыркова Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, Москва;
e-mail: arutyunova@inbox.ru

** Доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией, там же.

Целью исследования было выявление характеристик моральных оценок мужчин и женщин разных возрастных групп российского общества. Предполагалось, что половозрастные особенности индивидуального опыта социокультурных взаимодействий могут проявляться в моральных суждениях людей. Участники исследования ($N = 327$, 16–69 лет) оценивали моральную допустимость утилитарных просоциальных действий, приводящих к спасению пятерых людей за счет смерти другого человека. Показано, что мужчины по сравнению с женщинами оценивают причинение смертельного вреда одному человеку для спасения пятерых как более допустимое, т.е. их суждения были более утилитарными. Выявлен тренд к снижению утилитарности моральных оценок с возрастом. Полученные половозрастные различия обсуждаются с позиций системно-эволюционного подхода в свете проблемы соотношения интуитивного и рационального компонентов морального суждения.

Ключевые слова: моральное суждение, моральная оценка, моральная дилемма, индивидуальный опыт, культура, социокультурные факторы, системная дифференциация, системно-эволюционный подход.

В ходе индивидуального развития человек формирует опыт взаимодействия с окружающей средой, в том числе социальной, и адаптирует поведение в соответствии с ожиданиями и требованиями общества. Моральное суждение, являясь важным аспектом социального поведения, связано с разделением собственных действий индивида и действий других людей на “хорошие” (допустимые) и “плохие” (запрещенные). Оценка допустимости социально значимых действий основывается на двух типах правил, которые существенно различаются – моральных и конвенциональных [47, 60, 61, 64]. Нарушение моральных правил карается наиболее суровым наказанием [64], а способность распознавать моральные нарушения формируется в раннем детстве [61]. Таким образом, моральная характеристика становится аспектом любого поведения человека [17], а изучение морального домена социального знания – важной основой для описания психологии субъекта [10].

Организация адаптивного поведения человека в социуме непременно включает моральную оценку действий – моральное суждение. Теоретические подходы к исследованию моральных суж-

дений по-разному оценивают роль интуитивных и рациональных процессов. Ряд авторов приводят теоретические и эмпирические аргументы в пользу преимущественно интуитивной основы морального суждения [27, 42, 43, 46, 50–52, 59]. Индивиды часто формируют моральные суждения, основания которых не могут объяснить [26, 43, 44], а также выбирают поведение в соответствии с нормами морали, не вербализуя их [8]. Исходя из данных представлений, моральное суждение в большей степени универсально, а социокультурные факторы играют незначительную роль. Другие авторы, подчеркивая большое значение интуитивной составляющей морального суждения и роли эмоций в формировании морального выбора, обсуждают вклад рациональных процессов, связанных с “моральным рассуждением” [34–36, 38, 39, 56]. В данной работе процесс формирования морального суждения также рассматривается как состоящий из двух компонентов – интуитивного и рационального, а их соотношение определяется тем, какая проблема решается индивидом, а также какова стадия решения проблемы. Рассуждение основано на ряде когнитивных процессов, которые могут различаться у индивидов из разных культур и социальных групп (см., напр., [37, 55, 65]). Поэтому наряду с некоторыми универсальными характеристиками моральных суждений

¹ Исследование выполнено за счет средств Российского научного фонда (проект № 14-28-00229), Институт психологии РАН.

могут существовать важные социокультурные и групповые особенности (см. [9]). Для решения проблемы соотношения универсальных и специфических компонентов морального суждения необходимо расширение существующих данных о значении социокультурных факторов при формировании моральных оценок.

Начиная с самых ранних этапов развития, отмечаются особенности в процессах социализации мальчиков и девочек, усвоении ими культурных правил, отражающих представления о разнице социальных ролей мужчин и женщин в данном обществе [7]. К. Джиллиган описала две разные тенденции, характеризующие моральное суждение мальчиков и девочек: первые склонны чаще обращаться к проблемам справедливости, а вторые – к проблемам заботы и ответственности [31, 32]. В дальнейшем, в подростковом возрасте, мальчики более склонны нарушать моральные нормы, связанные с причинением вреда другим людям, по сравнению с девочками [53]. В поведении взрослых в различных культурах мужчины более агрессивны и чаще привлекаются к суду в связи с нарушением различных социальных норм, включая моральные (см., напр., [23]). Исследования также демонстрируют существование различий между оценками мужчин и женщин в тестах на моральное развитие (см., напр., [62]). С помощью методов фМРТ у мужчин и женщин при просмотре изображений, содержащих нарушение моральных норм, выявлены разные активации в структурах мозга, которые обычно связывают с эмоциональными и когнитивными механизмами формирования моральных суждений [40].

Известно, что существуют возрастные особенности в оценке различных аспектов социальных ситуаций. Морально-нравственное самоопределение личности изменяется на разных этапах жизни [12]. Показано, что взрослые индивиды лучше запоминают морально окрашенные события, а также чаще обращаются к моральному рассуждению при осмыслении социальных событий [54]. Пожилые люди выносят более определенные и ясные моральные суждения относительно гипотетических моральных сценариев по сравнению с людьми более молодого возраста [25]. Также показано, что, по сравнению с молодежью, люди более старшего возраста строже оценивают морально-этический компонент сценариев с политическим содержанием [19].

В целом, приведенные выше данные дают основания полагать, что факторы пола и возраста могут играть значимую роль в формировании мо-

ральных оценок индивидов. Вместе с тем ряд авторов указывают на то, что половозрастные факторы способны объяснить лишь ничтожно малую долю вариации в моральных суждениях людей [22, 44]. Поэтому вопрос о вкладе факторов пола и возраста в формирование моральных суждений остается открытым, и необходимы дальнейшие исследования, включающие анализ моральных оценок мужчин и женщин разных возрастных групп, в том числе из незападных культур.

В наших предыдущих работах [6, 21] показано, что россияне, как и представители ряда англоговорящих западных культур, включающих такие страны, как США, Великобритания и Канада [26], по-разному оценивают допустимость причинения вреда одному человеку для спасения пятерых других людей в зависимости от того, был ли этот вред причинен действием или бездействием (действие/бездействие), с помощью физического контакта или бесконтактно (контакт/бесконтактно), и был ли вред средством достижения цели или предвиденным побочным эффектом (средство/побочный эффект). Вместе с тем описаны особенности моральных суждений о подобных просоциальных действиях, специфичные для российской культуры [21]. Россияне чаще, чем западные участники, выбирали неутилитарные крайние оценки (“запрещено”) и в целом склонялись к выбору оценок данного типа по сравнению с утилитарным концом шкалы (“обязательно”). Эти данные обсуждались в аспекте некоторых важных свойств российской культуры, таких как социальная ориентация на коллективизм и диалектическое мышление.

В данной работе формирование моральных суждений рассматривается в связи с целостным поведением индивида, основанным на опыте его социокультурных взаимодействий. С позиций системно-эволюционного подхода (см. [1, 18, 20]) предполагается, что моральное суждение формируется в целостном поведении и на основе индивидуального опыта, структуру которого составляют системы разного “возраста” и степени дифференцированности. Структура опыта отражает историю соотношения индивида со средой [1, 16, 18], в том числе с социокультурной [3]. Изучение различий в характеристиках моральных оценок у индивидов из разных культур и социальных групп связано с исследованием особенностей опыта разных социокультурных взаимодействий. Важную роль при формировании моральных суждений могут играть и личностные качества, которые проявляются в социальном поведении индивида, включая его моральный компонент [17], “личностная регуляция морального выбора” [11].

Таким образом, *теоретической гипотезой* исследования было предположение о том, что особенности опыта социокультурных взаимодействий у индивидов разного пола и возраста могут проявляться в характеристиках их моральных оценок. *Целью* исследования было сопоставление характеристик моральных оценок мужчин и женщин разных возрастных групп российского общества. *Предметом* исследования является социокультурный опыт индивидов разного пола и возраста, связанный с моральной оценкой действий; а в качестве *объекта* исследования выступают моральные суждения мужчин и женщин разных возрастных групп. Проверялись гипотезы о том, что такие характеристики моральных суждений, как утилитарность (насколько допустимо нанесение вреда одному человеку для спасения большего числа людей), а также число и соотношение крайних оценок, будут достоверно различаться в группах участников разного пола и возраста.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В интернет-исследовании приняли участие более тысячи человек. В данной работе проанализированы данные 327 участников в возрасте от 16 до 69 лет ($M = 27$, $SD = 11$), которые корректно заполнили все пункты методики. Выборка состояла из 89 мужчин (16–69 лет, $M = 28$, $SD = 12$) и 238 женщин (16–58 лет, $M = 27$, $SD = 10$). Для анализа возрастных особенностей с опорой на периодизацию Б.Г. Ананьева [5] и с учетом особенностей выборки (больше молодых участников и меньше участников старшего возраста) было выделено пять групп (см. табл. 1): 16–19, 20–24, 25–34, 35–44 и 45–69 лет.

Процедура исследования. Участники интернет-исследования² заходили на веб-сайт, где им предлагалось, следуя инструкциям на экране, заполнить демографическую анкету и оценить ряд абстрактных сценариев, содержащих моральную дилемму. Порядок предъявления сценариев был

Таблица 1. Пять возрастных групп

	Возрастная группа	N (N женщин)	Возраст M (SD)	Возраст (Med)
1	16–19 лет	93 (67)	17.6 (1.0)	18
2	20–24 года	86 (65)	21.8 (1.3)	22
3	25–34 года	81 (59)	29.3 (3.0)	29
4	35–44 года	40 (32)	38.9 (3.0)	39
5	45–69 лет	27 (15)	52.9 (6.1)	51

рандомизирован. В каждом из них главный герой стоял перед выбором спасения пятерых незнакомых людей за счет причинения смертельного вреда одному другому незнакомому человеку. Герой дилеммы всегда совершал “утилитарный” выбор, т.е. решал спасти пятерых за счет смерти одного, а участникам исследования предлагалось оценить допустимость его утилитарного действия (или бездействия) по семибалльной шкале, где 1 было обозначено как “запрещено”, 4 – “допустимо” и 7 – “обязательно”.

Методики. Методика “Тест морального чувства” (*Moral Sense Test*), разработанная Кашмэном с коллегами [26], ранее была переведена нами на русский язык и адаптирована для использования в российской популяции [21]. Методика состояла из 30 сценариев моральных дилемм и двух контрольных сценариев (подробнее о методике см. в [26], тексты всех 32 сценариев на русском языке см. в [21], примеры сценариев см. в Приложении). Контрольные сценарии не содержали моральной дилеммы и включали спасение пятерых человек без вреда кому-либо, эти сценарии были направлены на проверку понимания инструкции и внимательности при ответах на вопросы. Тридцать тестовых сценариев составляли восемнадцать контролируемых пар с идентичным содержанием внутри каждой пары за исключением одной из трех переменных [43]: причинен ли смертельный вред человеку для спасения пятерых других людей (1) действием или бездействием, (2) с помощью физического контакта или без физического контакта и (3) был ли этот вред средством достижения цели или предвиделся как побочный эффект достижения цели. Применение данного метода в выборках испытуемых из разных культур показало, что сценарии, составленные на основе описанных переменных, действительно обладают дифференцирующей способностью [26, 43]. В проведенном нами ранее аналогичном исследовании в российской популяции эти данные были воспроизведены [21].

Показатели и переменные. Оценки участников и временные показатели оценок регистрирова-

² Популяционная валидность данных интернет-исследований является предметом обсуждения. В то же время известно, что данные психологических исследований, получаемые в интернет-среде, сопоставимы с данными, получаемыми в традиционных лабораторных условиях, и являются более репрезентативными в отношении пола и возраста участников, их socioeconomic статуса и географического положения [32]. Современные socioeconomic условия, в которых Интернет используется повсеместно и доступен самым разным группам населения, обуславливают популяционную валидность и репрезентативность данных интернет-исследования моральных суждений в российской популяции.

лись автоматически в онлайн-режиме на базе используемого веб-сайта (домен www.rusmoral.ru) и сохранялись на сервере в виде базы данных.

В данной работе анализировали моральные оценки в связи с факторами пола и возраста участников. Для этого сопоставляли следующие переменные: оценки участников по каждому из 30 сценариев, индексы моральной допустимости и крайние оценки.

Индекс моральной допустимости (ИМД; *Moral permissibility rating*, см. в [57]) – это среднее значение оценок каждого участника по всем используемым в исследовании сценариям. Усредняя оценки таким образом (при условии высокой согласованности оценок по всем тридцати сценариям), получали единое число, характеризующее отношение индивида к просоциальным утилитарным действиям по спасению пятерых за счет смерти одного человека в различных ситуациях (действие и бездействие, средство и побочный эффект, контактно и бесконтактно).

Крайние оценки выделяли как особый вид оценок, расположенных на краях шкалы и имеющих специальные обозначения 1 – “запрещено” и 7 – “обязательно”. Оценки данного типа связаны с наибольшей уверенностью участников в собственном моральном выборе и могут отражать ряд особенностей морального суждения в разных группах участников.

Статистические критерии. Анализ данных проводился в программе *IBM SPSS 20*. Распределения проверяли на нормальность тестом Колмогорова–Смирнова. Для оценки согласованности применяли критерий альфа Кронбаха. Для сравнения двух независимых выборок при условии нормальности распределения использовали *t*-тест Стьюдента, в отсутствие нормальности – критерий Манна–Уитни. Для трех и более групп при условии нормальности распределения использовали однофакторный дисперсионный анализ (*ANOVA*) с последующими попарными сравнениями *post hoc* тестом Бонферрони. Гомогенность дисперсий определяли тестом Левена. В отсутствие нормальности три и более группы сопоставляли с помощью критерия Крускала–Уоллиса с последующими попарными сравнениями критерием Манна–Уитни. Наличие тренда проверяли критерием Джонкхиера–Терпстра. Внутригрупповые сопоставления двух переменных проводили при помощи критерия Вилкоксона. Частотность встречаемости признака в двух и более группах сравнивали с помощью критерия хи-квадрат. Для параметрических критериев (*t*-тест Стьюдента) за размер эффекта принимали *d* Коэна, а для непара-

метрических (критерии Манна–Уитни и Вилкоксона) – коэффициент ассоциации *r* [28]. Достоверными считали различия при $p < .05$.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Распределения оценок по каждому из 30 тестовых сценариев отличались от нормального (тест Колмогорова–Смирнова, $p < .0001$). Было показано, что в целом по выборке оценки участников по всем сценариям характеризовались высокой согласованностью (Кронбаха $\alpha = .93$), поэтому оценки каждого испытуемого по всем тридцати сценариям были усреднены в единое число ИМД. Распределение ИМД по всей выборке не отличалось от нормального ($n = 327$, тест Колмогорова–Смирнова, $p = .117$).

Моральные оценки мужчин и женщин. В 8 из 30 сценариев показаны достоверные различия в оценках мужчин и женщин (точный критерий Манна–Уитни, $p < .05$). Во всех этих сценариях средний ранг оценок был выше в выборке мужчин, то есть они оценивали утилитарный поступок героя как более допустимый. Заметим, что в других 20 сценариях средний ранг по значению также был выше в выборке мужчин, и только в двух – в выборке женщин, однако эти различия не достигали уровня достоверности.

Распределения ИМД в выборках мужчин ($n = 89$, тест Колмогорова–Смирнова, $p = .725$) и женщин ($n = 238$, тест Колмогорова–Смирнова, $p = .320$) не отличались от нормального. У мужчин среднее значение индекса по выборке составляло 3.98 ($SD = 1.11$), у женщин – 3.72 ($SD = .97$). В среднем, ИМД у мужчин был выше, чем у женщин ($t_{325} = 2.121$, $p = .035$, $d = .25$), т.е. мужчины в целом оценивали причинение вреда одному человеку для спасения пятерых других людей как более допустимое.

Мужчины выбирали крайние моральные оценки в 26.7% случаев, а женщины – в 22.8%. По числу крайних оценок распределения двух выборок не различались (точный критерий Манна–Уитни, $n_1 = 89$, $n_2 = 238$, $U = 9988.5$, $Z = .795$, $p = .214$).

И мужчины (критерий Вилкоксона, $n = 89$, $T = 766.5$, $Z = 2.79$, $p = .005$, $r = .21$), и женщины (критерий Вилкоксона, $n = 238$, $T = 3896$, $Z = 6.53$, $p < .0001$, $r = .30$) достоверно чаще выбирали крайние оценки в случае “запрещенных” действий по сравнению с “обязательными”. По числу оценок “запрещено” выборки мужчин (15.7% от общего числа оценок) и женщин (15.6%) не различались (точный критерий Манна–Уитни, $n_1 = 89$, $n_2 = 238$, $U = 10464$, $Z = .17$, $p = .433$). Оценку

“обязательно” мужчины выбирали в 15.7%, а женщины – в 11.0%. Различия в числе этих оценок в двух выборках не достигли уровня достоверности ($n_1 = 89$, $n_2 = 238$, $U = 9630$, $Z = 1.37$, $p = .086$), однако в 26 из 30 сценариев моральных дилемм процент ответов “обязательно” по значению был выше в выборке мужчин (см. табл. 2), при этом в 9 из 30 сценариев соотношение числа оценок “обязательно” к числу оценок других типов было достоверно выше в выборке мужчин по сравнению с выборкой женщин (см. табл. 2, $\chi^2(df=1)$, $p < 0.05$), и еще в двух сценариях показана аналогичная тенденция ($\chi^2(df=1)$, $p < .1$). Вероятно, можно обсуждать возможность существования тенденции женщин в своих моральных суждениях реже использовать оценку “обязательно”.

Моральные оценки разных возрастных групп. В 14 из 30 сценариев показаны достоверные различия в оценках разных возрастных групп участников (критерий Крускала–Уоллиса, $p < .05$).

Распределение ИМД по выборке не отличалось от нормального ($n = 327$, критерий Колмогорова–Смирнова, $p = .117$). Дисперсия в пяти сопоставляемых возрастных группах не различалась (таблица 3, значение теста Левена = .979, $df = 4$, $p = .419$). С помощью однофакторного дисперсионного анализа (*ANOVA*) для несвязанных выборок выявлены различия в пяти возрастных группах ($F(4,322) = 5.360$, $p < .0001$). *Post-hoc*-анализ показал, что суждения участников самой младшей группы 16–19 лет были наиболее утилитарными ($M = 4.12$, $SD = .98$), и ИМД был достоверно выше в этой группе по сравнению с участниками 25–69 лет, но не отличался от группы 20–24 лет (см. табл. 4).

Показан тренд снижения ИМД с возрастом испытуемых (см. рис. 1, критерий Джонкхiera–Терпстра, *Std. J-Tstat.* = -4.686, $p < .0001$), т.е. чем старше возрастная группа участников, тем чаще они оценивали утилитарные действия спасения пятерых за счет смерти одного человека как менее допустимые.

Наименьшее число крайних оценок (15.9%) выносили самые младшие участники исследования (16–19 лет), а наибольшее (31.6%) – самые старшие (45–69 лет). Показаны достоверные различия между пятью возрастными группами в распределении общего числа крайних оценок (критерий Крускала–Уоллиса, $p = .001$), а также числа оценок “запрещено” (рис. 2, критерий Крускала–Уоллиса, $p < .0001$). По числу оценок “обязательно” возрастные группы не отличались (рис. 2, критерий Крускала–Уоллиса, $p = .775$), поэтому

Таблица 2. Соотношение числа крайних оценок типа “обязательно” к числу оценок других типов у мужчин и женщин

Тестовые сценарии	% “обязательно” у мужчин	% “обязательно” у женщин	$\chi^2(df=1)$	P
3	15.73	12.61	.54	.4611
4	21.35	16.39	1.09	.2958
5	12.36	4.20	7.17	.0074
6	13.48	11.34	.28	.5954
7	10.11	4.20	4.14	.0420
8	4.49	0.84	4.80	.0284
9	8.99	1.68	9.79	.0018
10	13.48	5.04	6.79	.0092
11	10.11	10.92	.04	.8326
12	15.73	15.97	.00	.9586
13	6.74	4.20	.90	.3433
14	11.24	7.14	1.43	.2313
15	16.85	6.30	8.65	.0033
16	19.10	15.13	.75	.3853
17	15.73	9.24	2.78	.0953
18	10.11	5.88	1.77	.1831
19	7.87	3.36	3.00	.0832
20	13.48	10.92	.41	.5205
21	7.87	4.62	1.31	.2524
22	7.87	5.46	.65	.4196
23	6.74	9.24	.52	.4717
24	8.99	7.98	.09	.7687
25	12.36	7.98	1.49	.2224
26	6.74	8.40	.24	.6210
27	3.37	1.26	1.60	.2057
28	7.87	4.62	1.31	.2524
29	7.87	2.52	4.85	.0277
30	14.61	7.14	4.33	.0374
31	11.24	4.62	4.72	.0299
32	7.87	6.72	.13	.7192

различия в общем числе крайних оценок могут обуславливаться разницей в числе оценок “запрещено”. Наибольшее число “запретов” оказалось в самой старшей группе (24.3%), а наименьшее – в самой младшей (7.6%). При этом самая младшая группа 16–19 лет по этому показателю достоверно отличалась от всех остальных групп (критерий Манна–Уитни, $n_1 = 93$, $n_2 = 86$, $U = 2682$, $Z = 3.89$, $p = .000$, $r = .42$; $n_3 = 81$, $U = 2113$, $Z = 5.09$, $p = .000$, $r = .39$; $n_4 = 40$, $U = 988$, $Z = 4.41$, $p = .000$, $r = .38$; $n_5 = 27$, $U = 600.5$, $Z = 4.26$, $p = .000$, $r = .39$). В следующей возрастной группе (20–24 года) число оценок “запрещено” значимо уступало лишь самой старшей группе (45–69 лет) (критерий Манна–Уитни, $n_2 = 86$, $n_5 = 27$, $U = 859$, $Z = 2.03$, $p = .042$, $r = .19$). Все остальные попар-

Таблица 3. Значения ИМД по группам

Группы	<i>N</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>SE</i>	95% доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
16–19 лет	93	4.12	0.98	0.1	3.92	4.32
20–24 года	86	3.85	1.1	0.12	3.61	4.08
25–34 года	81	3.61	0.93	0.1	3.4	3.81
35–44 года	40	3.56	0.91	0.14	3.27	3.85
45–69 лет	27	3.34	0.96	0.18	2.96	3.71
Итого	327	3.79	1.01	0.06	3.68	3.9

Таблица 4. Попарные сравнения возрастных групп (*Bonferroni Post Hoc tests*)

Возрастные группы		Разница средних	Стандартная ошибка	<i>p</i>	95% доверительный интервал	
					нижняя граница	верхняя граница
16–19	20–24	.27706	.14790	.619	–.1410	.6951
	25–34	.51668*	.15025	.007	.0920	.9414
	35–44	.55998*	.18693	.030	.0316	1.0883
	45–69	.78767*	.21612	.003	.1768	1.3985
20–24	16–19	–.27706	.14790	.619	–.6951	.1410
	25–34	.23962	.15307	1.000	–.1930	.6723
	35–44	.28291	.18921	1.000	–.2519	.8177
	45–69	.51061	.21809	.198	–.1058	1.1271
25–34	16–19	–.51668*	.15025	.007	–.9414	–.0920
	20–24	–.23962	.15307	1.000	–.6723	.1930
	35–44	.04329	.19105	1.000	–.4967	.5833
	45–69	.27099	.21970	1.000	–.3500	.8920
35–44	16–19	–.55998*	.18693	.030	–1.0883	–.0316
	20–24	–.28291	.18921	1.000	–.8177	.2519
	25–34	–.04329	.19105	1.000	–.5833	.4967
	45–69	.22769	.24624	1.000	–.4683	.9237
45–69	16–19	–.78767*	.21612	.003	–1.3985	–.1768
	20–24	–.51061	.21809	.198	–1.1271	.1058
	25–34	–.27099	.21970	1.000	–.8920	.3500
	35–44	–.22769	.24624	1.000	–.9237	.4683

ные сравнения групп показали, что по распределению числа оценок “запрещено” достоверных различий не наблюдается (критерий Манна–Уитни, $p > .05$). При этом показан достоверный возрастной тренд: чем старше возрастная группа участников, тем больше они выносили оценок “запрещено” (критерий Джонкхиера–Терпстра, $Std. J-Tstat. = 4.101, p < .0001$).

В целом в группе 16–19 лет число ответов “запрещено” и “обязательно” по выборке не различалось (7.6% и 8.2% соответственно, $n_1 = 93$, критерий Вилкоксона, $T = 966.5, Z = .49, p = .623$). Во всех остальных возрастных группах от 20 лет и старше число выборов “запрещенных” действий

было выше по сравнению с “обязательными” (рис. 2, критерий Вилкоксона, $n_2 = 86, T = 689.5, Z = 2.95, p = .003, r = .23$; $n_3 = 81, T = 326.5, Z = 5.17, p = .000, r = .41$; $n_4 = 40, T = 54.5, Z = 3.92, p = .000, r = .44$; $n_5 = 27, T = 26.5, Z = 3.52, p = .000, r = .48$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты исследования показали, что моральные суждения людей относительно допустимости поведения в социально значимых ситуациях характеризуются особенностями, связанными с факторами пола и возраста.

Различия в моральных суждениях мужчин и женщин. Было выявлено, что в целом ряде ситуаций с различным контекстом мужчины считают более допустимым причинение смертельного вреда одному человеку для спасения пятерых по сравнению с женщинами. Это проявилось в более высоком значении ИМД у мужчин, а также в виде тенденции к вынесению ими большего числа утилитарных крайних оценок (“обязательно”). При этом общее число крайних оценок и число неутилитарных крайних оценок (“запрещено”) в выборках мужчин и женщин не различались. Выбор крайних оценок как у мужчин, так и у женщин чаще происходил в случае запрета на утилитарное поведение.

В сходных исследованиях, проведенных в странах западной культуры (США, Канада, Великобритания и др.) наблюдался аналогичный феномен: мужчины выносят больше утилитарных суждений, чем женщины [22, 30]. Таким образом, полученные результаты в российской популяции позволяют расширить применимость данного феномена на незападные культуры и свидетельствуют в пользу предположения об универсальности наблюдаемых половых особенностей моральных суждений в разных культурах. Разница социальных ролей мужчин и женщин в изучаемых культурах находит отражение в их моральных оценках социально значимых ситуаций.

Одно из возможных объяснений полученных результатов следует из предположения К. Джиллиган о том, что мужчины в своих оценках исходят из принципов справедливости и пользы, а женщины – принципов заботы и социальной ответственности [31, 32]. Разница в процессах социализации мальчиков и девочек, усвоения ими в ходе развития общественных и культурных норм [7] отражается в структуре их опыта. Например, гендерные различия в эмоциональном развитии могут в дальнейшем обуславливать полоролевые особенности поведения и адаптации к различным социокультурным особенностям среды [24]. Существуют аргументы в пользу того, что социальные эмоции способствуют усвоению общественных норм, “облегчая тем самым процесс вхождения в социум” [14]. Применяя метод мета-анализа данных ряда исследований по сопоставлению моральных суждений мужчин и женщин, некоторые авторы обосновывают позицию, согласно которой гендерные особенности моральных суждений скорее связаны с различиями в эмоциональной оценке, чем с когнитивными процессами оценки результатов действий [29]. Кроме того, феномен большей утилитарности суждений мужчин также связывают с тем, что

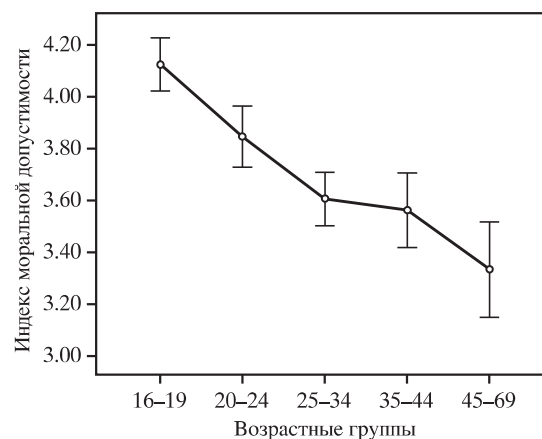

Рис. 1. Тренд снижения утилитарности моральных суждений с возрастом.

Представлены средние значения и стандартные ошибки ИМД для пяти возрастных групп участников. Чем старше возрастная группа участников, тем чаще они оценивали утилитарные действия спасения пятерых за счет смерти одного человека как менее допустимые (критерий Джонкхиера–Терпстра, $Std. J-Tstat. = -4.686, p < .0001$).

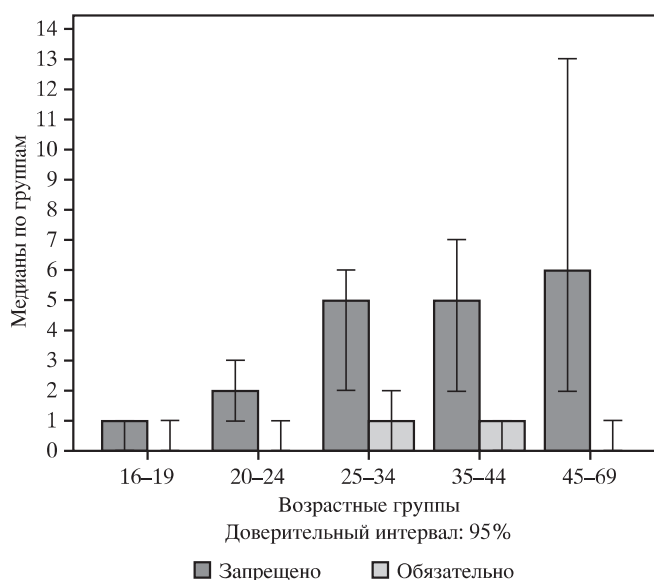

Рис. 2. Соотношение крайних оценок в разных возрастных группах.

Показаны медианные значения (с 95% доверительным интервалом) числа крайних оценок “1” (запрещено) и “7” (обязательно) в разных возрастных группах участников. Во всех возрастных группах, кроме самой младшей (16–19 лет), участники выносили больше оценок “запрещено”, чем “обязательно” (критерий Вилкоксона, $p < .01$). Показан возрастной тренд: чем старше возрастная группа участников, тем больше они выносили оценок “запрещено” (критерий Джонкхиера–Терпстра, $p < .0001$).

мужчины демонстрируют меньшую по сравнению с женщинами способность к эмпатии [30].

Фумагалли с соавт. [30] выдвигают предположение о том, что гендерные различия в вынесении моральных суждений могут проявляться в

активности мозга мужчин и женщин. С помощью методов картирования мозга (фМРТ) у мужчин и женщин выявлены разные активации при оценке изображений, включающих нарушения различных моральных и конвенциональных норм [40]. У женщин в данной задаче активность некоторых областей мозга, имеющих отношение к эмоциональным и мнемическим процессам (задняя цингулярная кора), а также процессам эмпатии (инсула), была связана со строгостью моральных оценок. У мужчин такой связи не наблюдалось, при том что строгость их оценок была связана с динамикой активности областей коры мозга (нижние теменные отделы), обычно активирующихся в задачах при необходимости синтеза сложной контекстной информации.

Таким образом, можно предположить, что женщины при вынесении моральных суждений в большей степени ориентируются на эмоциональную оценку межличностных взаимодействий, согласно которой нанесение вреда другому человеку – это “плохо”, поэтому в своих суждениях они оценивают подобные действия более негативно, несмотря на то, что в данной ситуации причинение вреда одному человеку может быть целесообразно с точки зрения спасения большего количества людей. Мужчины же подходят к моральным дилеммам с более абстрактных позиций, рационально оценивая контекстную информацию о ситуации и выбирая более прагматичные решения: спасение пятерых лучше, чем одного.

Несмотря на то, что оценки мужчин в целом характеризовались большей утилитарностью, чем оценки женщин, индивиды обоих полов чаще использовали крайние оценки в случае запрета на утилитарное поведение. Таким образом, данная особенность моральных суждений в российской популяции, показанная нами ранее [21], проявлялась как у мужчин, так и у женщин, и отражает общекультурное сходство опыта индивидов, воспитывавшихся в единых условиях российского общества. Следовательно, в некоторых аспектах морального суждения фактор культуры превалирует над разницей социальных ролей и опыта мужчин и женщин.

Возрастные различия и возрастной тренд. Было показано, что самые младшие участники исследования чаще выносили утилитарные моральные оценки допустимости причинения смертельного вреда одному человеку для спасения пятерых, а также реже других возрастных групп использовали крайние оценки в случае запрета на утилитарные просоциальные действия. Более того, выявлены два возрастных тренда: снижение

утилитарности моральных оценок, а также увеличение числа неутилитарных крайних оценок (“запрещено”) с возрастом. Участники 20 лет и старше выносили больше неутилитарных крайних оценок (“запрещено”) по сравнению с утилитарными (“обязательно”), и только в самой младшей группе (16–19 лет) число утилитарных и неутилитарных крайних оценок не отличалось.

Как отмечалось ранее, более частое использование крайних моральных оценок в случае запрета на утилитарные просоциальные действия – характерная черта моральных суждений в российской культуре по сравнению с западной [21], поэтому наблюдаемый возрастной тренд может быть связан с накоплением социокультурного опыта, научением культурным представлениям о том, что в данном обществе хорошо, а что плохо с точки зрения морали. С другой стороны, данный феномен может быть связан с когортными особенностями. В условиях изменения социокультурной среды и сдвига в сторону “вестернизации” в постсоветский период (см. [4]), участники, родившиеся и воспитывавшиеся в новых условиях, по-другому оценивают моральный аспект поведения людей, и это нашло отражение в их оценках утилитарных просоциальных действий. Если показанный тренд является феноменом социокультурного развития, то аналогичный тренд должен наблюдаться и в похожих исследованиях в других культурах, например, в западной. Эта гипотеза будет протестирована в дальнейших исследованиях. Для верификации гипотезы о тренде как когортном явлении необходимо повторное проведение данного исследования в российской популяции, в котором основной гипотезой будет сдвиг наблюдавшихся характеристик суждений самых молодых людей в выборке на более старший возраст.

Рассматривая предположение о том, что возрастная динамика моральных суждений может являться феноменом развития и накопления социокультурного опыта, необходимо отметить данные, полученные Харенски с соавт. [41]. Авторами было показано, что существует положительная корреляция возраста индивидов с гемодинамической активностью их мозга, зарегистрированной методами фМРТ, в задаче моральной оценки изображений, содержащих нарушения моральных норм. Чем старше были участники, тем более выраженной была активность их височно-теменных областей (активации которых связывают с процессами интерпретации ментальных состояний, собственных и других людей), а также области задней цингулярной коры (активации которой, как отмечалось ранее, связывают с эмоциональными и мнемическими процессами). Исходя из этих

данных, можно предположить, что формирование моральных оценок с возрастом все больше становится связано с эмпатией, а также обращением к собственному опыту.

Возрастные особенности моральных суждений, выявленные в данном исследовании, а также данные литературы могут свидетельствовать в пользу того, что с возрастом люди больше эмоционально вовлекаются в социальные ситуации и принимают во внимание последствия действий для других людей и их чувства. Это может быть связано с накоплением в опыте актов, прошедших соответствующую моральную оценку. Поэтому причинение вреда другому человеку, пусть и с благой целью спасти большее число людей, оценивалось старшими участниками исследования как менее допустимое, и число “запретов” на такое поведение увеличивалось с возрастом.

Половые и возрастные особенности в контексте проблемы соотношения интуитивных и рациональных основ моральных суждений: взгляд с позиций системно-эволюционного подхода. Как отмечалось ранее, в данной работе рассматриваются два компонента процесса формирования морального суждения – интуитивный и рациональный. Их роль и соотношение определяется тем, какая проблема решается индивидом, а также какова стадия решения проблемы. Я.А. Пономарев обосновал позицию, согласно которой формирование нового опыта соотношения со средой начинается с интуитивного типа взаимодействия и заканчивается рациональным, логическим [15]. Согласно теории Ж. Пиаже, в онтогенезе мышление развивается от интуитивного к логическому, или рациональному [58]. Исходя из системно-эволюционных представлений (см. [1, 18, 20]), опыт формируется путем системной дифференциации и отражает историю соотношения индивида со средой: старые, сформированные на ранних этапах индивидуального развития, сравнительно низко дифференцированные системы лежат в основе формирования новых и более дифференцированных систем. При этом существуют экспериментальные и теоретические аргументы в пользу того, что актуализация старых систем преимущественно связана с интуитивным способом взаимодействия со средой, характеризующимся большей эмоциональностью; а актуализация новых – преимущественно с рациональным [2]. В специальных исследованиях было показано, что рациональный и интуитивный типы решения задач связаны с активациями существенно разных наборов мозговых структур [48].

Однако интуиция не сводима к старым системам, так же как рассуждение не сводимо к новым

системам, поскольку каждое действие представляет собой одновременную актуализацию множества систем (как высоко-, так и низкодифференцированных). Данное множество рассматривается нами как единица опыта. Важную роль в организации индивидуального опыта и поведения играют особенности межсистемных отношений, т.е. взаимосвязи систем, входящих в структуру опыта. Приведены аргументы в пользу того, что в структуре опыта субъекта интуиция может быть сопоставлена с семантической ассоциативной сетью, формирующейся на наиболее ранних этапах становления компетенции [13]. Эта сеть характеризует одновременную актуализацию множества систем, набор и сложные отношения между которыми определяют структуру индивидуального опыта. Таким образом, в основе интуитивного морального суждения во многом лежат межсистемные отношения внутри индивидуального опыта субъекта, складывающиеся при оценке субъектом собственных результатов действий с точки зрения их значения для достижения “коллективных результатов”, т.е. с позиций “разрешенности” или “запретности” данного действия в данном социуме. Мы полагаем, что указанная выше характеристика множества действий с данной позиции соотносима с их моральной оценкой и обобщает множество единиц опыта по критерию этой оценки: приемлемы они или нет. Данная характеристика, как мы ее понимаем [3], феноменологически соответствует свойствам семантической памяти по Э. Тулвингу [63] и рассмотрению интуиции как свойства опыта, “полученного путем имплицитного научения” [49, с. 109]. Рациональное решение проблемы – рассуждение – может быть сопоставлено с семантической пропозициональной сетью, формирующейся позднее, которая характеризует логическую преемственность последовательных состояний структуры опыта и связана с феноменом рационального взаимодействия с предметной областью [13].

Таким образом, можно предположить, что на начальных стадиях решения моральной проблемы индивид формирует интуитивный выбор (“хорошо” или “плохо”, “допустимо” или “запрещено” и т.п.), а затем решает проблему рационально: санкционируя или нет сделанный выбор. В последнем случае рациональное решение может не совпадать с изначальным имплицитным выбором. Здесь многое зависит от сложности и других характеристик проблемной ситуации, имеющегося у индивида времени для принятия решения и пр.

Обращаясь к моральным суждениям в данном исследовании, можно предположить, что интуи-

тивный выбор в использованных нами ситуациях соотносится с оценкой “запрещено”: причинение смертельного вреда другому человеку – это “плохо”. Однако при рациональном подходе к проблеме такое причинение вреда и жертвование одним человеком приводит к спасению пятерых людей, что имеет практический социально значимый смысл. Таким образом, чем более утилитарны моральные оценки, тем больший вклад в моральное суждение вносит рациональный компонент.

Применительно к результатам данного исследования, женщины при вынесении моральных суждений в большей степени ориентируются на эмоциональную оценку межличностных взаимодействий и интуитивное решение, во многом основанное на актуализации древних систем индивидуального опыта и сложных межсистемных отношениях. Мужчины же подходят к моральным дилеммам с более абстрактных позиций, рационально оценивая контекстную информацию о ситуации и последовательно актуализируя более новые и высокодифференцированные системы опыта. Снижение утилитарности моральных оценок с возрастом при таком подходе к проблеме может показаться несколько противоречивым: с возрастом индивиды больше ориентируются на интуитивный выбор и меньше – на рациональное принятие решения. Однако накопление социокультурного опыта в течение жизни связано с усложнением и большей дифференцированностью межсистемных отношений, которые, как отмечалось ранее, являются одним из важных оснований интуитивного решения задач. Взрослые люди, вероятно, склонны в большей степени доверять собственным интуициям о том, что “хорошо”, и что “плохо” с точки зрения морали в знакомом им обществе и культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, результаты исследования в российском обществе расширяют известные кросскультурные данные о половозрастных особенностях характеристик моральных суждений. Описанные различия – (1) в моральных оценках мужчин и женщин, такие как большая утилитарность суждений мужчин и их склонность чаще использовать крайние утилитарные суждения при оценке допустимости причинения вреда одному человеку для спасения пятерых других людей, а также (2) различия разных возрастных групп, включающие тренд снижения утилитарности оценок подобных моральных дилемм с

возрастом и увеличение числа крайних оценок неутилитарного типа, – позволили расширить имевшиеся ранее представления об универсальных и специфических основах формирования моральных суждений в социально значимых ситуациях.

ВЫВОДЫ

1. В российском обществе мужчины по сравнению с женщинами оценивают причинение смертельного вреда одному человеку для спасения пятерых других людей как более допустимое с точки зрения морали. Выявленные различия могут быть связаны с особенностями в соотношении у мужчин и женщин интуитивного и рационального компонентов морального суждения.

2. Выявлены возрастные различия в моральных суждениях индивидов из российской культуры: чем старше индивиды, тем менее утилитарны их моральные оценки, и тем больше “запретов” они выносят на утилитарные просоциальные действия. Полученные результаты могут свидетельствовать в пользу существования единых для разных культур процессов развития морального суждения, отражающих динамику соотношения интуитивного и рационального компонентов суждения от молодого к более старшему возрасту.

3. Для верификации предположений о системных основах моральных суждений и их социокультурных вариациях необходимы дальнейшие исследования, включающие кросскультурные сопоставления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю.И. Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М.: Наука, 1989.
2. Александров Ю.И. От эмоций к сознанию // Психология творчества: Школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006. С. 5–28.
3. Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
4. Александров Ю.И., Александрова Н.Л., Харламенкова Н.Е. Субъективный опыт: личностное и социокультурное // Человек. 2011. № 2. С. 104–113.
5. Ананьев Б.Г. Возрастная периодизация жизненного цикла человека // Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1968. С. 129–136.

6. Арутюнова К.Р., Знаков В.В., Александров Ю.И. Моральные суждения в современном российском обществе: кросс-культурный аспект // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Под ред. Журавлева А.Л., Юревича А.В. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2012. С. 255–268.
7. Берн Ш. Гендерная психология. М.: Прайм-Еврознак, 2004.
8. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978.
9. Дробницкий О.Г. Моральная философия // Избранные труды / Сост. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002.
10. Знаков В.В. Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 29–38.
11. Корнилова Т.В., Чигринова И.А. Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в регуляции личностных выборов // Психол. журн. 2012. Т. 33. № 2. С. 69–87.
12. Купрейченко А.Б. Структурно-динамическая модель нравственного самоопределения // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Под ред. Журавлева А.Л., Юревича А.В. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2012. С. 60–76.
13. Максимова Н.Е., Александров И.О., Тихомирова И.В., Филиппова Е.В., Никитин Ю.Б. Соотношение грамматики и семантики высказываний со структурой индивидуального знания (к проблеме рационального–интуитивного) // Психол. журн. 1998. Т. 19. № 3. С. 63–83.
14. Марцинковская Т.Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 3 (5). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.08.2015).
15. Пономарев Я.А. Психика и интуиция. М.: Политиздат, 1967.
16. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.
17. Шадриков В.Д. Поведение как фактор формирования совести // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 4. С. 3–13.
18. Швырков В.Б. Введение в объективную психологию: нейрональные основы психики. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.
19. Aldrich D., Kage R. Mars and Venus at Twilight: A critical investigation of moralism, age effects, and sex differences // Political Psychology. 2003. V. 24. № 1. P. 23–40.
20. Alexandrov Yu.I., Grechenko T.N., Gavrilov V.V., Gorkin A.G., Shevchenko D.G., Grinchenko Yu.V., Alexandrov I.O., Maksimova N.E., Bezdenezhnykh B.N., Bodunov M.V. Formation and realization of individual experience in humans and animals: A psychophysiological approach // Conceptual advances in brain research. Vol. 2. Complex brain functions. Conceptual advances in Russian neuroscience / (Ed.) R. Miller, A.M. Ivanitsky, P.M. Balaban. Harwood Academic Publishers, 2000. P. 181–200.
21. Arutyunova K.R., Alexandrov Yu.I., Znakov V.V., Hauser M.D. Moral judgments in Russian culture: Universality and cultural specificity // Journal of Cognition and Culture. 2013. V. 13. № 3–4. P. 255–285.
22. Banerjee K., Huebner B., Hauser M. Intuitive moral judgments are robust across variation in gender, education, politics and religion: A large-scale web-based study // Journal of Cognition and Culture. 2010. V. 10. P. 253–281.
23. Bennett S., Farrington D.P., Huesmann L.R. Explaining gender differences in crime and violence: The importance of social cognitive skills // Aggression and Violent Behavior. 2005. Vol. 10. P. 263–288.
24. Brody L.R. Gender differences in emotional development: A review of theories and research // Journal of Personality. 1985. V. 53. № 2. P. 102–149.
25. Chap J.B. Moral judgment in middle and late adulthood: the effects of age-appropriate moral dilemmas and spontaneous role taking // Int. J. Aging Hum. Dev. 1985–1986. V. 22. № 3. P. 161–172.
26. Cushman F., Young L., Hauser M.D. The role of conscious reasoning and intuition in moral judgments: testing three principles of harm // Psychological Science. 2006. V. 17. P. 1082–1089.
27. Dwyer S. Moral competence // Philosophy and Linguistics / (Ed.) K. Murasugi, R. Stainton. Boulder, CO: Westview Press, 1999. P. 169–190.
28. Field A. Discovering statistics using IBM SPSS. London, UK: SAGE Publications Ltd., 2009.
29. Friesdorf R., Conway P., Gawronski B. Gender differences in responses to moral dilemmas: A process dissociation analysis // Personality and Social Psychology Bulletin. 2015. P. 1–18.
30. Fumagalli M., Ferrucci R., Mameli F., Marcegaglia S., Mrakic-Spota S., Zago S., Lucchiari C., Consonni D., Nordio F., Pravettoni G., Cappa S., Priori A. Gender-related differences in moral judgments // Cogn Process. 2010. V. 11. P. 219–226.
31. Gilligan C. In a different voice: Woman's conception of self and morality // Harvard Educational Review. 1977. V. 47. P. 481–517.
32. Gilligan C. In a different voice: psychological theory and women's development. Cambridge: Harvard University Press, 1982.
33. Gosling S.D., Srivastava S., John O.P. Should we trust web-based studies? // American Psychologist. 2004. V. 59. № 2. P. 93–104.

34. *Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E., Darley J.M., Cohen J.D.* An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science*. 2001. V. 293. P. 2105–2108.
35. *Greene J.D., Nystrom L.E., Engell A.D., Darley J.M., Cohen J.D.* The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment // *Neuron*. 2004. V. 44. P. 389–400.
36. *Greene J.D.* Beyond point-and-shoot morality: Why cognitive (neuro)science matters for ethics // *Ethics*. 2014. V. 124. № 4. P. 695–726.
37. *Grossmann I., Varnum M.E.W.* Social class, culture, and cognition // *Social Psychological and Personality Science*. 2011. V. 2. P. 81–89.
38. *Haidt J.* The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological Review*. 2001. V. 108. P. 814–834.
39. *Haidt J.* The new synthesis in moral psychology // *Science*. 2007. V. 316. P. 998–1002.
40. *Harenski C.L., Antonenko O., Shane M.S., Kiehl K.A.* Gender differences in neural mechanisms underlying moral sensitivity // *Soc. Cogn. Affect. Neurosci.* 2008. V. 3. P. 313–321.
41. *Harenski C.L., Harenski K.A., Shane M.S., Kiehl K.L.* Neural development of mentalizing in moral judgment from adolescence to adulthood // *Dev. Cogn. Neurosci.* 2012. V. 2. № 1. P. 162–173.
42. *Harman G.* Moral philosophy meets social psychology: Virtue ethics and the fundamental attribution error // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1999. V. 99. P. 315–331.
43. *Hauser M.D.* Moral minds. How nature designed our universal sense of right and wrong. New York: Ecco (Harper Collins), 2006.
44. *Hauser M.D., Cushman F., Young L., Jin R.K.-X., Mikhail J.* A dissociation between moral judgments and justifications // *Mind and Language*. 2007. V. 22. P. 1–21.
45. *Hauser M.D., Tonnaer F., Cima M.* When moral intuitions are immune to the law: a case study of euthanasia and the act-omission distinction in the Netherlands // *Journal of Cognition and Culture*. 2009. V. 9. P. 149–169.
46. *Huebner B., Dwyer S., Hauser M.D.* The role of emotion in moral psychology // *Trends in Cognitive Science*. 2008. V. 13. P. 1–6.
47. *Huebner B., Lee J.J., Hauser M.D.* The moral-conventional distinction in mature moral competence // *Journal of Cognition and Culture*. 2010. V. 10. P. 1–26.
48. *Kuo W.-J., Sjöström T., Chen Y.-P., Wang Y.-H., Huang C.-Y.* Intuition and Deliberation: Two Systems for Strategizing in the Brain // *Science*. 2009. V. 324. P. 519–522.
49. *Lieberman M.D.* Intuition: A Social Cognitive Neuroscience Approach // *Psychological Bulletin*. 2000. V. 126. № 1. P. 109–137.
50. *Mikhail J.* Rawls' Linguistic Analogy: A Study of the 'Generative Grammar' Model of Moral Theory Described by John Rawls in 'A theory of justice': PhD Thesis. NY: Cornell University, Ithaca, 2000.
51. *Mikhail J.* Universal Moral Grammar: Theory, evidence and the future // *Trends in Cognitive Science*. 2007. V. 11. № 4. P. 143–152.
52. *Mikhail J.* Elements of Moral Cognition: Rawls' Linguistic Analogy and the Cognitive Science of Moral and Legal Judgment. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
53. *Moffitt T.E., Caspi A., Rutter M., Silva P.A.* Sex differences in antisocial behavior. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2001.
54. *Narvaez D., Radvansky G.A., Lynchard N.A., Copeland D.E.* Are older adults more attuned to morally charged information? // *Experimental Aging Research*. 2011. V. 37. P. 398–434.
55. *Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and Systems of Thought: Holistic Versus Analytic Cognition // *Psychological Review*. 2001. V. 108. P. 291–310.
56. *Paxton J.M., Greene J.D.* Moral reasoning: Hints and allegations // *Topics in Cognitive Science*. 2010. V. 2. № 3. P. 511–527.
57. *Paxton J.M., Ungar L., Greene J.D.* Reflection and Reasoning in Moral Judgment // *Cognitive Science*. 2011. P. 1–15.
58. *Piaget J.* The Origin of Intelligence in Children. New York: International University Press, Inc., 1952.
59. *Rawls J.* A theory of justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971.
60. *Smetana J.* Toddlers' social interactions regarding moral and conventional transgressions // *Child Development*. 1984. V. 55. P. 1767–1776.
61. *Smetana J., Braeges J.* The development of toddlers' moral and conventional judgments // *Merrill-Palmer Quarterly*. 1990. V. 36. P. 329–346.
62. *Thoma S.J.* Estimating gender differences in the comprehension and preference of moral issues // *Developmental Review*. 1986. V. 6. P. 165–180.
63. *Tulving E.* Memory and consciousness // *Can. Psychol.* 1985. V. 26. P. 1–12.
64. *Turiel E.* The development of social knowledge: Morality and convention. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1983.
65. *Varnum M.E.W., Grossmann I., Kitayama S., Nisbett R.E.* The origin of cultural differences in cognition: The social orientation hypothesis // *Current Directions in Psychological Science*. 2010. V. 19 (1) P. 9–13.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примеры использованных моральных сценариев (тексты всех использованных сценариев на русском языке см. в [21]):

Стоя возле железной дороги, Денис увидел, что пустой неуправляемый вагон вот-вот собьет пять человек. Рядом с Денисом находится стрелочный рычаг, которым можно направить вагон на запасной путь и в сторону от пятерых людей. Но перевод стрелки также приведет к опусканию перил пешеходного моста, находящегося над запасным путем. В результате этого один человек упадет с моста на рельсы запасного пути и попадет под вагон. Если Денис потянет за рычаг, вагон пойдет на запасной путь и не собьет пять человек, а один человек упадет на рельсы и попадет под вагон. Если Денис не потянет за рычаг, то вагон продолжит путь, собьет пять человек, а один человек на мосту запасного пути останется жив. Денис решает потянуть за рычаг. Потянуть за рычаг – это... (запрещено (1) – (2) – (3) – допустимо (4) – (5) – (6) обязательно (7)).

Во время работы на верхнем этаже строящегося здания Игорь видит, что механический привод, находящийся на стальной перекладине, вот-вот сломается. Этот механический привод удерживает на высоте платформу, на которой находятся пять рабочих. Если привод сломается, то пять рабочих разобьются насмерть. Игорь может их спасти, если пробежит через перекладину и включит резервный механизм привода. Между Игорем и приводом на стальной перекладине стоит один рабочий. Игорь понимает, что, если он бросится через узкую перекладину, он собьет этого рабочего, и тот разобьется насмерть. Стройка слишком шумная, чтобы можно было крикнуть и предупредить его. Если Игорь ничего не сделает, то привод сломается, и пять рабочих погибнут, а один рабочий останется в живых.

Если Игорь бросится включать резервный механизм привода, то пять рабочих спасутся, но Игорь столкнет одного рабочего, и тот разобьется. Игорь решает бежать и включать резервный механизм. Побежать и включить резервный механизм – это... (запрещено (1) – (2) – (3) – допустимо (4) – (5) – (6) обязательно (7)).

Максим работает в больнице. Он управляет устройством, которое увеличивает или уменьшает объем определенного химического вещества в крови пациента. Если вещества слишком много или слишком мало, то пациент умирает. Максим замечает, что устройство накачало в тело пациента почти токсическую дозу вещества. Он должен немедленно остановить работу устройства, чтобы спасти жизнь пациента. Однако он видит, что пять других пациентов с токсическими дозами вещества подключены к этому же устройству, причем оно удаляет это вещество из их органов. Если Максим остановит работу устройства для спасения одного пациента, то умрут другие пять пациентов. Если Максим не остановит устройство, умрет один пациент, но пятеро выживут. Максим решает не останавливать работу устройства. Не остановить устройство – это... (запрещено (1) – (2) – (3) – допустимо (4) – (5) – (6) обязательно (7)).

Пример контрольного сценария:

Управляя моторной лодкой, Андрей замечает пятерых пловцов, которые тонут вдалеке. Если Андрей не поплывет к ним с максимальной скоростью, он не успеет их спасти, и все пятеро погибнут. Чтобы плыть с максимальной скоростью, Андрей должен резко прибавить газ. Если он резко ускорится, то спасет пловцов. Если он не сделает этого, они все утонут. Андрей решает резко прибавить газ. Резко прибавить газ – это... (запрещено (1) – (2) – (3) – допустимо (4) – (5) – (6) обязательно (7)).

FACTORS OF GENDER AND AGE IN MORAL JUDGMENT OF ACTIONS

K. R. Arutyunova*, Yu. I. Alexandrov**

* *post-graduate student, V.B. Shvyrkov laboratory of Neural bases of Mind, Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, Moscow;*

** *Sc.D. (psychology) head of laboratory, the same place*

The study was aimed to reveal characteristics of moral judgments of men and women from different age groups of Russian society. It was hypothesized that gender and age differences in experience of sociocultural interactions may be reflected in individual moral judgments. Participants (N = 327, age 16–69) evaluated moral permissibility of utilitarian pro-social actions that resulted in saving five people at the cost of another person's life. It has been shown that men in comparison with women evaluated such actions as more permissible, i.e. their judgments were more utilitarian. At the same time, utilitarian judgments decreased with the age of participants. These results are discussed within the framework of system-evolutionary approach in light of the problem of intuitive and rational components of moral judgment.

Key words: moral judgment, morality, moral dilemma, individual experience, culture, socio-cultural factors, sistem differentiation, system-evolutionary approach.